

стараясь попасть въ тонъ мусульманъ. Этотъ отвѣтъ до того пріятно поразилъ Абдъ-Аллу, что онъ пожелалъ мнѣ столько благополучій, что я не понималъ и десятой доли ихъ.

Было уже далеко за полночь, когда я воротился съ цѣлью поскорѣе лечь спать. Луна сіяла въ полномъ величіи на серебристой синевѣ неба, озаряя спавшую непробуднымъ сномъ пустыню; костры потухали по недостатку топлива; верблюды дремали сладко; только люди еще не могли успокоиться. Долго еще продолжались толки и шопотъ и разговоры; много еще было прочтено молитвъ и стиховъ изъ корана, много душеспасительныхъ изреченій было произнесено для назиданія некрѣпкимъ въ вѣрѣ; много еще проклятій раздалось въ ночной тиши несчастнымъ афритамъ, худхуду и марафиламъ, которымъ, вѣроятно, пришлось бы разсыпаться въ прахъ, еслибы хотя одна сотая пожеланій, сыпавшихся на ихъ головы, могла бы исполниться... Мало-по-малу, однако, всѣ начали поуспокаиваться. Абдъ-Алла, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, отправился въ свою палатку.

— Леилкумъ-саиди (пріятнаго сна)!—отвѣчалъ я ему по-арабски, подученный Букчѣевымъ.

— Раббѣна-шалигъ-муселемъ-эффенди (Господь да сохранить тебя, благородный господинъ)!—проговорилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ старый шейхъ, уже опускающій полотнища своего шатра.

Двое часовыхъ были оставлены на всякій случай Абдъ-Аллою; съ своей стороны, я поставилъ на первую очередь Рапида. Всѣ трое ночныхъ караульныхъ собрали со всѣхъ костровъ оставшіяся горючіи матеріалы, зажгли огонекъ, осмотрѣли тщательно оружіе, и закуривъ свои длинныя трубки, которыхъ было много у хаджей, расположились коротать свою очередь до второй смѣны. Когда Ахмедъ и Юза улеглись, а Букчѣевъ забрался подъ свой шатеръ, я обошелъ еще разъ весь караванъ, уже начинавшій укладываться, а потомъ и самъ собрался отдохнуть послѣ тревожной ночи.

Какъ изваянные изъ камня, высились верблюды, лежавшіе неправильнымъ кругомъ около нашей стоянки; палатки и покрывала, натянутыя на ружья и палки, разбросанныя въ беспорядкѣ корзины съ провизією, занны и зимзимѣ (кожаные мѣшки съ водою), кое-гдѣ торчавшія ружья и пики, и кучка людей у небольшого костра — все это, залитое луннымъ сіяніемъ, представляло чудную картину, которой декораціями служила только блистающая пустыня, да блѣдно-голубое небо, подернутое серебристою дымкою, сливающеюся съ горизонтомъ.